

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ

"Пятерка" - победитель соревнований

25 августа состоялись ежегодные легкоатлетические состязания Управления ФСИН России по Читинской области.

КАК ВСЕГДА, под занавес лета учреждения уголовно-исполнительной системы области собираются на беговых дорожках в сосновом бору, расположенном за микрорайоном Северный, чтобы в очередной раз помериться в скорости, выносливости и силе. Пролетная погода, свежий сосновый воздух — все настраивало на высокие результаты и напряженную борьбу.

Положительным и оптимистичным фактом этих соревнований стало то, что сюда приехали спортивные команды не только из учреждений городской площадки, но и из периферийных колоний: ИК-1, ИК-2, КП-6, ИК-7, ИК-8, ИК-10. Впервые за последние годы. Это явление очень радует, и, надеемся, станет доброй традицией, которая коснется не только легкоатлетических эстафет, но и всех других видов спортивной видов состязаний, коих в УИС Читинской области пропагандируется немало.

Первыми открыли состязания женщины в забеге на 1 километр. Не было равных в этой дисциплине Подковыро-

вой из исправительного учреждения № 5, на втором месте — Шишкина из Управления по конвоированию, ну, а третьей финишировала сотрудница следственного изолятора Коленкова.

Во втором виде соревнований — тысяча метров — на стартовую линию вышли сотрудники УИС в возрастной категории свыше сорока лет. И в этом возрасте можно показывать хорошие, приличные секунды. На дистанции лучшим оказался Лыгин (Управление по конвоированию), следом финишировал Горбунов (СИЗО), замкнул тройку лидеров Лхасаранов (ИК-5).

Наступил черед настоящих стайерских забегов. Три тысячи метров — дистанция серьезная. Здесь одним напором и «физухой», как говорят спортсмены, ничего не решается. Тот, кто рано и очень сильно начинает финишировать, тот финиширует, в конечном итоге, последним. Три круга напряженного бега расставили призеров следующим образом: победитель состязания — Никотин (ИК-5), серебряный призер — Зябликов (ИК-2), бронза — у сотрудника Управления по конвоированию Попова.

Следующий вид легкоатлетических кроссов — 5 тысяч метров. Для его успешного преодоления требует-

ИК-5 - победитель легкоатлетических соревнований УФСИН 2006 года

ся хорошая физическая подготовленность, отличная выносливость и умение тактически грамотно расставить свой бег. Иначе уже в середине дистанции можно «выдохнуться», сломать ритм и, в результате, еле дотянуть до финиша. В сложном стайерском забеге не было равных Тараканову (ИК-5), который обошел некоторых легкоатлетов на полтора-два круга. Темп своего бега на протяжении всей дистанции он не сбавлял, четко распределил свои силы. Видно, что Тараканов серьезно занимается спортом. Что ж, это очень похвально. Так держать! Вторым пересек финишную линию Гомбоев (УК), третье место принес своему учреждению Пакулов (ИК-8).

Ну, а завершила соревнования традиционная эстафета — самый захватывающий, напряженный и показательный вид легкой атлетики. Главное, на дистанции четко и правильно передать палочку, выложив все силы. Что с успехом и показала команда ИК-5, финишировав первой. Поздравляем победителей! На втором месте расположились спортсмены из Управления по конвоированию. Третье призовое место досталось команде следственного изолятора.

В итоге, победителями легкоатлетических соревнований Управления ФСИН России по Читинской области 2006 года стала команда ИК-5 (7 баллов). Молодцы! Серебряные призеры состязаний сильных и быстрых — команда Управления по конвоированию (10 очков). УК — традиционно сильная команда, которая всегда показывает в спортивных мероприятиях хорошие результаты. Третье общекомандное — за спортсменами из ИК-8 (24 очка). С удачным дебютом!

Ну, а в конце репортажа о легкоатлетических кроссах, приведем красноречивые слова одного из организаторов соревнований начальника отдела по работе с личным составом УФСИН подполковника в.н. службы Игоря Алябьева: «Очень радует тот факт, что в нынешних соревнованиях участвуют представители отдаленных подразделений. Надеемся, что это не станет единичным случаем, а войдет в хорошую, добрую привычку — участвовать во всех культурно-спортивных мероприятиях, проводимых Управлением ФСИН. Это повышает опыт и мастерство сотрудников, занимающихся спортом, положительно влияет на служебную дисциплину».

Баир ЖАМБАЛНИМБУЕВ

Стайеры - большие тактики. Перед забегом на 5 километров

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ

Спорт исправляет характер

В ПОСЛЕДНИЕ годы осужденные все более активнее занимаются спортом и физкультурой. В нашей колонии постоянно проводятся соревнования по волейболу и футболу. Администрацией учреждения созданы условия для занятий тяжелой и легкой атлетикой. Неудивительно, что среди нас есть люди, которые достигают серьезных результатов.

Администрация исправительной колонии поощряет занятия спортом, ведь это лучшее средство для воспитания в человеке здорового духа и разума, который у многих сейчас помутнен. Физкультура исправляет

характер, настраивает его на правильные, рациональные цели и задачи.

По приказу начальника колонии осужденным разрешено носить спортивную форму одежды в локальных участках для индивидуального занятия спортом и физкультурой. Как показывает жизнь, такие люди после освобождения находят достойное применение в обществе, в наши места они приезжают только на свидания. Ведь за годы, проведенные здесь, мы приобретаем друзей и наша обязанность — помочь им.

Яшар Алиев, ИК-1

РЕЗОНИЗМ

Я чувствую после прогулок и плавания, что молодею, а главное, что телесными движениями промассировал и освежил свой мозг.

Константин Циолковский

МЫСЛИ ВСЛУХ

Надежда - вектор, который всегда со мной

ИНОГДА МНЕ кажется, что двигаюсь в другую сторону от истины. Истина всегда так неуловимо близка, кажется, что вот-вот ты ее поймашь за хвост, но каждый раз она ускользает. Человеческий мозг не может объять необъятное, постичь невозможное. Но Истина вокруг нас все время, каждую секунду. Увидеть ее - великий дар и труд. Только единицы, только немногие смогли постичь истину, смогли увидеть ясный свет.

Человек уж так устроен, когда ничего не получается, хочется все бросить и куда-нибудь уйти, скрыться от людей, от всего мира. Приходит осознание того, что еще немного, и наступит депрессия — со всех сторон подступает плотным туманом страх неизвестности. Но это лишь временное, проходящее чувство.

Но вдруг, в какой-то момент, непонятно откуда, появляются, скрытые в глубине существа, силы, неистребимая тяга к победе над собой, над проявлениями зла, стремление жить, бороться и быть понятым. И все начинается снова, с нуля, с первой ступени, ведущей к двери, открыв которую, появляется возможность прикоснуться к великому и непостижимому. А может быть, это никогда и не происходило. Ведь процесс движения вперед не прекращается практически ни на мгновение.

Пусть взлеты перемежаются с падениями, пробы с ошибками, сомнения с верой, достижения с потерями.

Но всегда присутствует вектор, который именуется надеждой. Она всегда со мной, как какой-то еле заметный, но неугасимый уголек под толстым слоем пепла. И этот слой сохраняет собой едва тлеющий огонек души, не дает ему совсем потухнуть от холода и дождя. А ветер надежды, как кузнечные меха, когда приходит назначенный мирозданием час, раздувает огонь.

Он горит, протягивая языки пламени, словно руки, вверх — в бесконечность. Мир снова вспыхивает радугой ярких цветов и чистых звуков, а душа вбирает все это в себя, пропитываясь силой и верой. И вот, творческий порыв, вдохновение пробуждают задремавшее от усталости и боли сознание.

Оживают забытые образы, всплывают на поверхность разума потревоженные эмоциями чувства и начинается неудержимое движение к истокам бытия, к познанию загадочного и божественного, которое зачастую сопровождается изложением мыслей посредством слов, не всегда в полной мере отражающих суть всего, на бумаге...

Виктор МАРТЫНОВ, ИК-5

9 АВГУСТА — ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

«Винным себя не признаю...»

Передо мной на столе архивное дело № 960-П Спиридона Петровича Манаева. Серый картон с примитивной картинкой: трактора на колхозных пашнях, дымящиеся трубы заводов, и над всем этим — клейменное серпом и молотом восходящее солнце новой жизни. Начато: 24 апреля 1931 года. С нахлынувшим внезапно волнением один за другим переворачиваю шершавые листы...

«Вели антисоветскую агитацию...»

МЯГКАЯ папиросная бумага, на которой через фиолетовую копиру напечатано постановление об обвинении, тихо шуршит, будто оживляя ушедшее время. Частые, жмущиеся друг к другу строчки с вылетающей из общего строя буквой «л», оставляют на пальцах темные чернильные следы, будто напечатаны только вчера.

Слова обвинения звучат казенно и холодно: «Манаев Спиридон Петрович — в прошлом являлся уголовником-рецидивистом по грабёжам и убийствам, участником банд Ленкова и елизаветинской, оперировавших в Читинском районе, в настоящее время стал ярким противником Советской власти и проводимых ею мероприятий ... Тесно сплотившись с подобными ему враждебными элементами, связанными с ним уголовным прошлым и родством, вели работу по совершению террористических актов во время первомайской демонстрации на площади Свободы против отдельных партийных и советских работников г. Читы, но, благодаря аресту, привести это намерение в действие не смогли. Направлено в Особое Совецание при коллегии ОГПУ для внесудебного рассмотрения.»

Гуляние под гармошку

Погожим апрельским днем 24 апреля 31-го года в просторном светлом доме Спиридона Манаева в Песчанке было шумно: встречали приехавшего погостить брата Сергея. По этому поводу позвали соседей, многие пришли семьями. Гуляли как всегда весело, с песнями и плясками до поздней ночи.

В Песчанке Манаевы обосновались с 905-го года, приехав с Ононских приисков. Дом купили самый лучший во всем селе: на пригорке, издали видно. Глава семьи Петр Иустинович старательского дела не бросал — надо было кормить семью, — то и дело нанимался к золотодобытчикам и уезжал с весны до самых холодов. А под старость стал держать заезжий двор, что стоял на бойком месте под Ингодой в версте от Песчанки. Трактир этот принадлежал поначалу Анастасии Спешиловой, вместе с ней и

Спиридон Манаев (в белой рубашке) с друзьями в Чите. 1908 г.

заправляли там дела с 23-го года, а с 30-го подворье окончательно перешло в собственность Манаева-старшего.

Так что жили Манаевы зажиточно, на судьбу не жаловались. Сил справляться с немалым хозяйством хватало: семейство у Петра Иустиновича было большое: четыре сына — Иннокентий, Спиридон, Сергей да последыш Василий, и три дочери — Елизавета, Нина и Ольга.

С детства Петр Иустинович привил сыновьям интерес к «приискательскому» ремеслу. Пошел по стопам тяти и Сергей. Он обосновался с женой у своего тестя недалеко от Шукчугурского прииска, но в Песчанке имел домишко, корову, лошадь и даже работника-китайца, который за харчи и одежду следил за хозяйством. Время от времени уезжал на золотоносные прииски и Спиридон. Поговаривали, что он вообще собирается продавать дом и уезжать с семьей на Витимский тракт.

Спиридон был самым бойким в семье. В тринадцать, когда переехали жить в Песчанку, он был уже настоящим мужчиной: здоровым и силой Бог не обидел, да и характером был крут, против себя чужим слова сказать не давал. В драках стенка на стенку всегда был ровней взрослым.

В 1915 году мобилизовали Спиридона в армию на Австрийский фронт. Но долго повоювать не пришлось. В одном из боев его ранило шрапнелью в левый бок и пулей в левую руку. После госпиталя вернулся домой, а тут родители, счастливые, что сын вернулся с войны живым, присмотрели у зажиточных односельчан Добеевых дочку Александру. Та хоть и молода, еще и 16 не было, но дивчина справная, работающая, да и приданое за ней хорошее. Долго думать не стал, двадцать три года — пора жениться. Свадьбу сыграли веселую, Петр Иустинович постарался, и даже раздобыл где-то настоящий оркестр из пленных австрийцев, которые здорово всех удивили своим необычным пением йодлем и игрой на губных гармошках.

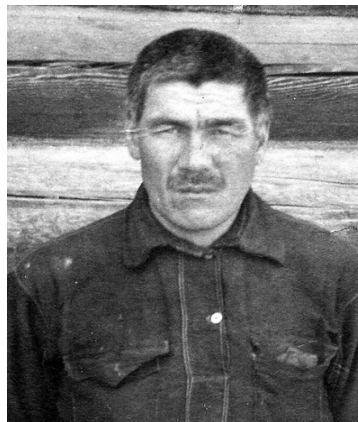
К 31-ому году была у Спиридона Манаева уже большая семья: сын Петр, названный в честь отца, и дочери: Галина, Елена, Валентина и самая маленькая полугодовалая Анна. Никогда не унывающая, высокая, статная Александра рожала Спиридону часто, были даже двойни, но выживали тогда самые здоровые.

В последнее время семье жить было трудно, заработанных Спиридоном на железной дороге денег едва хватало, хлеб продавался по карточкам, в магазинах нечего было купить. Привыкшему всегда жить на широкую ногу человеку было трудно смириться с таким положением. Многие для трудяги-мужика было непонятно. Частенько в сердцах говорил:

— Что за власть такая? Грабят нашего брата, нет никакого житья, ходим разуты и раздеты. Придешь с работы, жрать нечего. Мы дрались, дрались за эту власть, а свободы нету никакой!

Некоторые соседи порою предупреждали подвыпившего Спиридона: «Уж молчал бы, разве можно такое говорить, мало ли недоброжелателей есть по деревне.» Только отмахивался, а под горячую руку мог и побить за такие нравоучения.

Я прочту об этом в предьявлен-

Арестованный С.П. Манаев. Фото из архивного дела.

ном обвинении. «Антисоветская агитация» — так квалифицируют его слова следственные работники.

И в тот вечер, когда встречали брата Сергея, наверно, не обошлось без подобных разговоров. Гуляние затянулось за полночь. Гости разошлись, а Спиридон с братьями Василием и Михаилом Спешиловыми да Лешкой Добрециком пошли с гармошкой по улицам.

«Доношу до вашего сведения...»

В эту же ночь на пост у бронепоезда № 63, что стоял на песчанском разъезде, было совершено вооруженное нападение. Напавших было двое. Утром красноармеец Григорий Девятов писал в рапорте начальству: «...Напали ...преступников опознать не могу, так как было темно, но оба среднего роста и телосложения... от одного пахло духами». Вот все, что мог пояснить о ночном происшествии часовой.

Так и осталась бы эта ночная стрельба поводом для пересудов жителей Песчанки, если бы не одно обстоятельство, резко повернувшее ход всего дела.

Наступил первый день мая. Уже под вечер, когда народ всюду праздновал день солидарности с мировым пролетариатом, на стол уполномоченного ОГПУ по фамилии Лихонос лег любопытный документ. Рукой военнослужащего 1 взвода Сергея Онищенко серым химическим карандашом было написано:

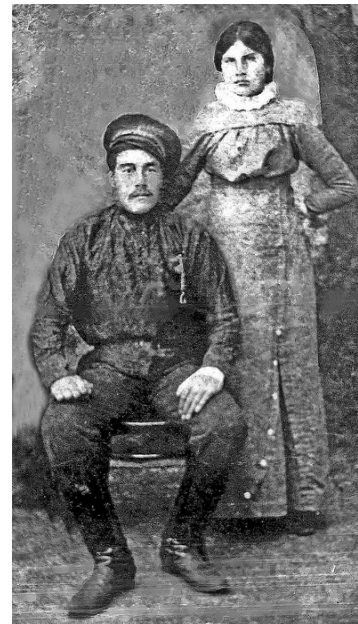
«Доношу до вашего сведения, — будто выкрикивали строки, написанные со школьной аккуратностью, — что 30 апреля моя жена Екатерина пошла в гости к сестре Александре Манаевой, в доме которых шла попойка. Встав под окно, она услышала разговор, который касался 1 Мая. Из разговора она поняла, что в этот день на площади Свободы в Чите готовится кровопролитие. Она слышала, как Спиридон Манаев сказал: «С бронепоездом ничего не вышло, но завтра мы им устроим партизанскую ночь». Далее шло подробное перечисление участвовавших в застолье и самые нелестные характеристики Спиридона Манаева, как в прошлом отъявленного уголовника и противника существующего строя.

Это, конечно, была удача, что называется, убить сразу двух зайцев. Лихонос как-то азартно расстегнул воротничок, с наслаждением затянулся папиросой и прямо поверх текста заявления размашисто написал красными, похожими на кровь, чернилами: «Срочно: приобщить к делу о нападении на бронепоезд» и поставил жирную точку.

«Заклечь в концлагерь...»

2 мая 31-го года поселок облетела весть: Спиридона Манаева и братьев Спешиловых арестовали за нападение на бронепоезд (Добрецкий тоже был арестован, но позже отпущен).

На допросах никто из арестованных нападение на часовой бронепоезда не признавал, хотя в деле появились дополнительные показания красноармейца Девятова, который по фигурам и усам, каким-то образом замеченным им в крошечной тьме, все же опознал Манаева и одного из Спешиловых. Но особенно возмущал гнусный наговор обоим Онищенко о готовящемся 1 мая теракте.

С женой Александрой в Песчанке после возвращения с Австрийского фронта. 1915 г.

Однако дело о нападении на бронепоезд и о подготовке первомайского заговора у уполномоченных госполитотранса не клеилось. Запросы в регистрационно-статистическое отделение дали отрицательный результат: никто из троих по учетам ОГПУ не проходил, неутешительный же ответ поступил из милиции: братья Спешиловы приводов не имели, Спиридон Манаев был, правда, привлекался за участие в елизаветинской банде, но «по суду оправдан».

25 мая Спиридона привели на очередной, третий за все время допрос.

«Родился в 1892 году в селе Захарово Верхнеудинского района Забайкальской губернии, русский, беспартийный, из крестьян, — читаю я строки этого протокола. — С 24-го года работал на постоялом дворе, который держали мать и братья Спешиловы. В то время и заезжали какие-то елизаветинские мужики, у которых я купил лошадь. Лошадь оказалась ворованной, и через некоторое время тех мужиков арестовали, и на допросе один из них сказал, кому они продали лошадь. Так меня арестовали за связь с бандой, но после суда освободили. Под 1 мая у меня в доме никакой пьянки не было. Я был дома и налаживал ходок, чтобы поехать в Новотроицк за отцовским конем. Утром 30 апреля ко мне заходил только Михаил Спешилов, попросил лошадь вывести навоз и сор со двора, но лошадь я ему не дал, так как она была занята, и Михаил сразу ушел. 1 мая был у меня в гостях татарин Азим-бай с бутылкой, выпили с ним. В четыре часа дня уехали на «ученике» в Читу вместе с братьями Спешиловыми

и Михаилом Верхоленцевым в гости к приятелю Кочневскому, у которого посидели и пошли на площадь посмотреть на парад, а оттуда все направились на станцию и вернулись в Песчанку, где разошлись по домам. В отношении антисоветской агитации ничего сказать не могу, возможно, что и говорил, но не так, как показывает Онищенко Катерина. Это она на меня наговаривает, хотя никаких личных счетов с ней я не имею. Винным в нападении на бронепоезд и в антисоветской агитации себя не признаю...»

9 ноября 1931 года тройка ПП ОГПУ ВСК рассмотрела материалы дела Манаева и братьев Спешиловых. Как свидетельство бесчеловечного приговора в деле синее маленькое клочок грубой бумаги — выписка из протокола заседания: «Гр-на Манаева С.П. 39 лет заключить в концлагерь сроком на 3 года, считая со 2.V.31 г.»

Скоро у Манаевых был проведен обыск. В доме всё перевернуто вверх дном, выбрасывали из шкафов белье, тряпки... Ни оружия, ни золота «рыцари революции» так и не нашли.

Не разрешив взять с собой самого необходимого, семью Манаевых вывезли из Песчанки. Трудная и долгая жизнь ждала их на поселении близ станции Черемхово Иркутского округа.

Эпилог

Осужденный Манаев — мой дед, отец моей мамы Валентины Спиридоновны, получившей статус репрессированной лишь за год до своей смерти.

Во всей этой печальной истории поражает тот факт, что гнусный донос на деда написали родственники Онищенко — Сергей, начинавший тогда карьеру в большевистской партии, и его жена Катя, рьяная комсомолка. Вечные человеческие пороки: желание выслужиться перед властью и зависть (а жили Манаевы до революции, да и во времена нэпа, хорошо) — позволили им перешагнуть законы человеческой морали. Бога для них тогда уже не существовало.

Бабушка, запуганная ОГПУшниками, никогда об аресте мужа ничего не рассказывала. И на это были причины. Я видел в деле ее расписку: «в случае разглашения требую самой суровой меры наказания». Так беспощадно и методично работали страшные жернова политических репрессий.

С Беломорско-Балтийского канала Спиридон Манаев вернулся к семье раньше отмерянного приговором срока. Своей справкой о досрочном освобождении, с золотым тиснением «СТАЛИН», Спиридон Петрович очень гордился, и до конца жизни этот документ с факсимиле самого «вождя народов» заменял ему паспорт. Дед умер в 1939 году от туберкулеза, которым он заразился в лагере. Его могила на Старочитинском кладбище (выше улицы Петровско-Заводской), как и тысячи других, разрытых, завалянных мусором, застроженных домами, к сожалению, потеряна.

«28 августа 2002 года прокуратурой Читинской области Манаев С.П. реабилитирован», сообщает последняя подшитая в старое дело бумага.

Александр Полуполтинных